

Шухободский Александр Борисович

КУЛЬТОВЫЙ ТИП "ПАМЯТНИКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ" В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье продемонстрированы особенности культового типа феномена "памятник истории и культуры". Обосновывается его первостепенное значение в формировании как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Выявляется ряд существенных проблем во взаимодействии общества и религиозных общин по поводу рецепции и использования "памятников истории и культуры".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/56.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 206-214. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

важнейшим фактором изменений социума, которые *радикально меняют ключевые аспекты человеческой жизни*. Все предыдущие события, *формировавшие ноосферу*, можно рассматривать как безусловно *революционные*, но между ними *проходили века*, теперь же мы являемся свидетелями колоссальных изменений в технологиях, которые приводят к *изменениям, возможно, того же масштаба*, какими являлись письменность и книгопечатание, но все это происходит во временные промежутки совершенно другого масштаба. Все это происходит *на протяжении жизни одного поколения*.

Таким образом, современное *ускорение развития ноосферы*, её материализация в корне *меняют парадигму социального развития*, следствием чего являются изменение, *диверсификация и многомерность модели развития*. Поэтому сегодня, как никогда ранее в истории, актуально звучат слова Владимира Ивановича Вернадского: «Мы живем на повороте в удивительную эпоху истории человечества... Никогда в истории человеческой мысли идеи и чувства единого целого, причинной связи всех научно наблюдаемых явлений не имели той глубины, остроты и ясности, какой они достигают сейчас...» [1, с. 11].

Список литературы

1. Вернадский В. И. Избранные сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. Очерки геохимии. Статьи по геохимии. 696 с.
2. Новое лицо аукциона [Электронный ресурс] // Компьютерра-онлайн. 1999. 2 марта. URL: <http://offline.computerra.ru/1999/287/2444/> (дата обращения: 17.12.2012).
3. Оруэлл Д. 1984 / пер. В. П. Гольшера. М.: Прогресс, 1989.
4. Почта // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86-ти т. СПб., 1890-1907. Т. XXIV.
5. Романенко И. Б., Барсукова Е. Н. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход // Общество. Среда. Развитие: научно-теоретический журнал. 2012. № 4 (25).
6. Ху Мин Д., Тунг, Амар Гупта. Персональные компьютеры // В мире науки. 1983. № 8.
7. Цвейг С. Звездные часы человечества: исторические миниатюры // Цвейг С. Собрание сочинений: в 7-ми т. М., 1963. Т. 3.
8. Шестакова И. Г. Противостояние как движущая сила прогресса // Перспективы науки. 2012. № 9 (36).
9. Adams H. The Education of Henry Adams (1907). М.: Прогресс, 1988.

NOOSPHERE: MATERIALIZATION OF IDEA AS KEY FACTOR OF MODERN PROGRESS

Shestakova Irina Grigor'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
National University of Mineral Resources «Mining University»
Irina_Shestakova@inbox.ru

The author considers the development of noosphere from its conception to material embodiment, shows the significant role of the progress in the sphere of information technologies in this process, and comes to the conclusion that the modern acceleration of noosphere development, its materialization, which occurred during the life of one generation, fundamentally change the paradigm of social development, which results in the change, diversification and multi-dimensional models of development.

Key words and phrases: V. I. Vernadskii; noosphere; information; IT; speed of societal changes; time of one generation life; materialization of noosphere; progress.

УДК 130.2 (470)

Философские науки

В статье продемонстрированы особенности культового типа феномена «памятник истории и культуры». Обосновывается его первостепенное значение в формировании как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Выявляется ряд существенных проблем во взаимодействии общества и религиозных общин по поводу рецепции и использования «памятников истории и культуры».

Ключевые слова и фразы: памятник истории и культуры; культовый тип памятника; религиозный тип памятника; объект культурного наследия; культурная ценность; культура; культурология.

Шухободский Александр Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет
iso.museum.mem@gmail.com

КУЛЬТОВЫЙ ТИП «ПАМЯТНИКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[©]

Рассматривая типологию феномена «памятник истории и культуры», мы разделяем их на три типа: «культовые», «военно-исторические» и «гражданские». При этом феномен «объект археологического наследия», в силу наличия у него ряда существенных отличий от феномена «памятник истории и культуры», выделен в отдельный объект культурного наследования [23].

Памятники «культового типа» образуют одну из самых древних и массовых групп памятников, и, таким образом, анализ их специфики является одним из центральных в понимании феномена «памятник истории и культуры». К памятникам «культового типа» относятся: памятники религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни, костелы, кирхи, мечети, буддистские храмы, пагоды, синагоги, молельные дома и другие объекты, специально предназначенные для богослужений; мавзолеи, храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья, некрополи, места совершения религиозных обрядов, пирамиды, древние кладбища, могильники, могилы, древние надгробные сооружения, дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы, курганы, мемориальные дома и квартиры, где проживали иерархи или святые и т.д. Этот список является далеко не исчерпывающим, но отражает то, что понятие «культовый тип» памятника значительно шире, чем понятие «религиозный тип памятника», который является одной из наиболее распространённых его форм. «Религиозные откровения и мистический опыт, а также практики погребения и отношения с умершими – одни из самых древнейших культурных практик, подчас, предопределяющих остальные компоненты культуры как таковой. Именно они подлежат сохранению в первую очередь в традиционных культурах, создающих подкрепляющие эти практики механизмы ритуализации, традирования и сбережения» [16, с. 86].

За тысячелетия человеческой истории было воздвигнуто огромное количество храмов и других культовых построек, которые, несмотря на разрушения в результате атеистической деятельности и борьбы различных религиозных направлений, сохранились в изобилии по всему миру. «Религиозный памятник» является частным проявлением религиозного имущества. В современной трактовке имущество религиозного назначения включает недвижимое имущество: «помещения, здания, строения, сооружения, включая объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, монастырские, храмовые и иные культовые комплексы, построенные для осуществления и (или) обеспечения таких видов деятельности религиозных организаций, как богослужения, молитвенные и религиозные собрания, других религиозных обрядов и церемоний; обучения религии, профессионального религиозного образования; монашеской жизнедеятельности; религиозного почитания (паломничества), включая здания для временного проживания паломников; помещения в не относящихся к имуществу религиозного назначения зданиях, строениях, сооружениях, предназначенных либо предназначавшихся для совершения и обеспечения указанных видов деятельности религиозных организаций, а также движимое имущество религиозного назначения (предметы внутреннего убранства культовых зданий и сооружений или предметы, предназначенные для богослужебных и иных религиозных целей)» [14]. Чёткое законодательное разделение религиозного имущества и «памятников истории и культуры» на движимые и недвижимые позволяет отнести к «культовому типу памятников истории и культуры» только недвижимые памятники.

Таким образом, в ранее предложенную И. В. Михеевой типологию культовых памятников («I» Курганы, места древних захоронений, наскальные изображения, старинные сакральные предметы — археологические религиозные предметы. II) Соборы, храмы и часовни, определяемые как памятники культовой архитектуры. III) Фрески (настенная церковная иконопись); панагии в драгоценных оправках, иконы, писанные и резные на дереве и на слоновой кости, мозаичные, резные, финифтяные, шитые, литые и проч.; церковная утварь (колокола, кресты, из драгоценных металлов лампы, потиры, складни, мироносицы и пр.) и священные одежды (фелони, антиминсы и пр.), украшенные драгоценными камнями, золотыми и серебряными нитями, представляющие собой настоящие произведения искусства, используемые в повседневной или торжественной церковной службе и т.д., так называемые культовые памятники искусства. Культовые памятники искусства, в свою очередь, можно также разделить на художественно-графические, или изобразительные, (фрески, иконы); бытовые, или декоративно-прикладные, (утварь, одежды); музыкальные и т.д. IV) Древние рукописи и книги, предназначенные для использования в обрядах богослужения, находящиеся в них миниатюры, разные художественные украшения — заставки, буквы, вязи, письма различных веков и т.п. Их можно объединить как культовые памятники письменности и старой печати» [11, с. 152-153]) необходимо внести существенные изменения, обособляющие движимые культурные ценности в отдельную группу.

Особенности религиозной рецепции памятников в основном имеют отношение к культовым и ритуальным объектам, хотя нельзя не признать, что восприятие светских памятников также преломляется через призму верований. Памятники «культового типа» в восприятии верующего человека имеют ряд существенных отличий от «гражданского» и «военно-исторического» типов «памятников истории и культуры». В первую очередь это то, что различные культовые сооружения могут иметь свою значимость, определяемую не их историческим возрастом, не фактом сотворения их величайшими художниками, архитекторами и скульптурами, а их местом в сакральном пространстве. Их непосредственной связью с чудодейственными иконами или житием определенного святого или апостола, или того, кому поклоняется субъект. Кроме того, «храм» может являться усыпальницей святого, и тогда его религиозное значение возрастает ещё больше, поскольку в роли «религиозного алиби» выступают ещё и мощи подвижника церкви, как правило, чудотворные. Другим важным элементом, определяющим ценность памятника «культового типа», является «намоленность» - этот термин определяет то, насколько востребован был памятник и сколько людей отдали ему свою энергию, в равной степени это относится к иконам и другим образом, представленным в «храме».

Русский мыслитель Н. Ф. Федоров говорил: «Храм вообще есть подобие вселенной, значительно низшее своего оригинала в действительности, но несравненно высшее его по смыслу. Смысл же храма заключается в том, что он есть проект вселенной, в которой оживлено все то, что в оригинале умерщвлено, и где все оживленное стало сознанием и управлением существа, бывшего слепым» [17, с. 236].

В царской России Православная Церковь имела статус государственной. «За ней признавалось: 1) право собственности на землю, здания, сооружения, предметы культа и т.д. при освобождении от податей и гражданских повинностей; 2) право получения субсидий и материальной помощи; 3) право регулирования брачно-семейных отношений; 4) право на участие в политической жизни страны, в т.ч. через представителей церкви в государственных органах, и т.д.» [11, с. 150].

Как следствие в дореволюционной России много внимания уделялось вопросам изучения и сохранения именно памятников религиозной культуры. На II Археологическом съезде в Петербурге в 1871 г. был рассмотрен проект образования церковно-археологических музеев при Духовных академиях. Предлагалось «в целях сохранения и изучения памятников религиозной культуры организовывать при Духовных академиях церковно-археологические музеи, формируя коллекции за счет вышедших из употребления предметов, хранящихся в ризницах, подвалах, чердаках, сараях при церквях и монастырях» [4, с. 74]. Создание таких музеев в царской России послужило делу сохранения огромного количества «культурных ценностей», которые в противном случае были бы просто утрачены.

Однако уже в первые годы Советской власти складывается тенденция к удалению Церкви от гражданского общества, ограничению ее полномочий, лишению ее права юридического лица, рассмотрению культовых памятников как ценного имущества, требующего национализации, а не как «культурных ценностей». Несмотря на все указания государственных органов об охране исторического наследия и отнесению церковного имущества, имевшего художественное, историческое или археологическое значение, к компетенции Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников, в реальности всё сводилось к первичному учёту памятников с последующей их реквизицией и конфискацией [7, с. 12]. В первую очередь, национализировались «памятники истории и культуры». Так, с 1918 г. по 1921 г. было национализировано 600 усадеб, 2900 памятников зодчества и 1700 памятников церковной архитектуры [Там же, с. 13]. «В феврале 1919 г. была создана Экспертная комиссия по отбору национализированных вещей, имеющих художественно-историческую ценность, для продажи их за рубеж. Руководил комиссией, которая, по сути своей деятельностью, подготавливала разграбление культурного наследия, М. Горький... По некоторым оценкам, стоимость проданного имущества составила около 10 млрд рублей по ценам 1915 г., но в действительности полученная сумма была в 5-6 раз больше» [21, с. 60].

Решения Правительства СССР в 30-е годы не оказали на «памятники истории и культуры» такого же разрушительного влияния, как на движимые культурные ценности, в силу недвижимости первых и невозможности из-за этого их продажи за рубеж. Это, однако, не мешало властям уничтожать памятники «культового типа» по всей стране, а самым вопиющим было практически полное разрушение ансамблей исторического центра Москвы. Памятники стали объектами классовой борьбы. Характер отношения к «памятникам истории и культуры» отражает цитата (приведенная А. М. Кулемзиным) из выступления в 1934 г. председателя Моссовета Н. А. Булганина: «Когда мы ломали Иверскую часовню, многие говорили: “хуже будет”. Сломали - лучше стало. Сломали Китайскую стену, Сухареву башню - лучше стало» [9, с. 11]. На большие разрушения просто не хватало финансов. Другим методом уничтожения памятников «религиозного типа» было их использование в таких целях, которые приводили к их разрушению. К примеру, в Ленинграде Собор Воскресения Христова на Крови (Храм Спаса-на-Крови) использовался в качестве овощебазы, многие крупные сельские каменные храмы использовались как машинно-тракторные станции, клубы и т.д.

События, имевшие место в Советской России, не являются чем-то исключительным. Столь существенные социальные потрясения, чему ярким подтверждением является Гражданская война, и повсеместное насаждение атеизма, сравнимы с завоеванием одного социума другим. Тогда высшие «ценности подвергаются “первичному” устранению, ибо через них, во многом, осуществляются идентификационные процессы, т.е. тот базис, который способен восстановить любое, даже поработанное культурное образование. В этой ситуации возможна “обратная ассимиляция”, когда завоеватель, заимствуя ценностные ориентации поработанной им - может быть, в технологическом плане более продвинутой - культуры, ассимилируется тем этносом, который он завоевал. А потому на “инстинктивном” уровне возникающая на том же самом пространстве новая культура, новый этнос, новое культурное образование стремится уничтожить все следы предшествующей традиции» [16, с. 89].

Вышеупомянутый факт того, что в советской культурной традиции в памятниках «культового типа» признавались лишь имущественная составляющая объекта, местоположение, архитектурные достоинства и художественная отделка, а в движимых религиозных культурных ценностях - их стоимость, определяемая величиной мастера, совершенством работы, временем создания, а также количеством драгоценных металлов и камней, - для верующих являлся и является кощунственным. Поэтому до сих пор имеет место противостояние между Церковью и музеями, куда была передана большая часть наиболее ценных объектов и предметов, как за право обладания культовыми постройками, так и за внутреннюю утварь, включая живопись и иконы, то есть за культурные, но одновременно и сакральные ценности. В этой связи более чем уместно процитировать архиепископа Михаила (Мудьюгина): «Интерес к произведениям церковного искусства и вообще религиозного (в данном случае христианского), проявляемый в течение последних лет все более широкими кругами, нередко приводит к выхолащиванию его идейно-религиозного содержания, к подмене религиозно-дидактического и религиозно-эмоционального воздействия чисто эстетическим. Многие, слушая церковные песнопения, созерцая творения церковной архитектуры, живописи, скульптуры (скульптура на Западе занимает в религиозном искусстве не менее значительное место, чем живопись) испытывают, или, по крайней

мере, предвзято считают целесообразным испытывать только эстетические переживания. Крайняя степень такого одностороннего, обедненного восприятия объектов религиозного искусства практикуется при перемещении их из храмов в концертные и музейные залы, но и храмы многими посещаются не с целью молитвы и восприятия Слова Божьего, а для любования иконами и наслаждения песнопениями, на Востоке только хоровыми, а на Западе также с инструментальным сопровождением. Происходит подмена религиозного переживания эстетическим. Связанная с этим опасность очевидна!» [10, с. 223].

В этом споре светского и религиозного бытия сомнительным является заявление, что Церковь не может обеспечить охрану и сохранение памятников и «культурных ценностей» на требуемом для этого уровне. Аргумент, по нашему мнению, спорный, так как именно Церковь смогла в течение многих столетий сберечь от разрушения то, что в 1917 г. и позже было разграблено и во многом уничтожено как «не представляющее культурной и исторической ценности». Одним из вопиющих примеров такого разграбления является Собор во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга. Это знаменитое во всём мире здание, где захоронены почти все члены российской императорской фамилии, по сути дела, в настоящее время является «пустышкой», то есть сохранилась только внешняя оболочка, захоронения и иконостас. До 1917 г. собор, будучи поминальным, являлся одним из богатейших в мире храмов, и все стены были декорированы дарственными венками из драгоценных металлов и богато украшенными и инкрустированными иконами. Всё это были официальные подарки императорской семье в поминальные дни. Эти артефакты исчезли при их эвакуации в Москву после Февральской революции.

Примеров того, каким образом хранились или погибали награбленные из храмов иконы, можно приводить сотни, но главным всё же является вопрос не разорения, а различия в восприятии одного и того же феномена Церковью и светскими инстанциями. «Единственно приемлемым для христианского сознания можно считать включение религиозного, в частности, церковного искусства в общий процесс богопознания, осуществляемого, как мы знаем, через благоговейное восприятие Откровения, сопровождаемое встречным, т.е. устремленным к Богу молитвенным потоком. Можно сказать, что слушатели церковной музыки и созерцатели святых икон участвуют в восприятии Откровения при помощи звуков, красок и форм (восприятию отнюдь не пассивном), а творцы произведений церковного искусства пытаются раскрыть глубину Откровения слуху и зрению и сердцу молящихся. Церковное (и вообще религиозное) искусство — это мощное средство проповеди, т.е. изложения и раскрытия Откровения, средство достижения великой и единственной его цели — вечного спасения» [Там же, с. 222-223].

Одна из проблем, играющих важную роль в сохранении памятников «культового типа», вызвана теми ограничениями, которые законодательство об охране памятников накладывает на режим их реставрации, приспособления и использования. Как и общество в целом, Церковь (или любой институт верования) представляет собой живой организм, изменяющийся во временном пространстве. Это находит отражение в любых предметах культа (фрески, скульптуры, иконы, идолы, тотемы и т.д.) и в самой архитектуре культовых сооружений. Но, кроме изменения стилей, важным является и то, что, несмотря на консервативность канонов, меняется и система служения, и образ жизни монахов, и санитарные условия их проживания, и те кельи, которые были адекватны XVI в., никак не могут соответствовать необходимым условиям проживания в XXI в.

В то же время бездумная передача «памятников истории и культуры» Церкви может создать напряжение в обществе по многим причинам [5, с. 8]. В настоящее время общее количество верующих не может обеспечить удовлетворительное содержание всех объектов, ранее принадлежавших различным религиозным конфессиям и верованиям. В силу того, что система управления церковным имуществом не имеет должной централизации, доступность памятника становится ограниченной, и из «собственности» всего народа или человечества она может переходить в собственность общины, что в значительной степени противоречит существующей в настоящее время международной системе охраны и сохранения «объектов культурного наследия». К примеру, отдельные скиты в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре (ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви) ограничены для посещений, а один полностью закрыт для посещения женщинами.

Продвижением на пути разрешения этого имущественного и нравственного конфликта явилось принятие Федерального закона от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (далее - Закон № 327) [14].

Значительную часть имущества религиозного назначения составляют «объекты культурного наследия» («памятники истории и культуры»). По некоторым оценкам, сейчас в России «объектов культурного наследия» религиозного назначения федерального значения насчитывается 6584 [8]. Из них 6402 православных объекта, 79 - мусульманских, 68 - католических, 13 - евангелически-лютеранских, 21 - буддистский и 1 - иудаистский. Помимо этого, существует 4417 памятников религиозного статуса регионального значения: 4241 - православных, 86 - мусульманских, 76 - католических и 14 - иудейских.

Передача имущества осуществляется в порядке, установленном Законом № 327, в соответствии с предусмотренными законодательством требованиями в области сохранения, использования и государственной охраны «памятников истории и культуры». При передаче «объекта культурного наследия» в собственность или безвозмездное пользование религиозная организация принимает на себя обязательства по его сохранению, которые являются ограничениями (обременениями) права собственности (пользования) на данный объект и указываются в оформляемом в установленном порядке «охранном обязательстве». Законом впервые

предусматривается, что «объекты культурного наследия» федерального значения передаются только централизованным религиозным организациям. В то же время к предмету регулирования законом не относится передача имущества религиозного назначения, относящегося к музейным предметам и коллекциям, входящим в состав Музейного фонда Российской Федерации, или документам, входящим в состав Архивного фонда Российской Федерации или Национального библиотечного фонда. Передача таких объектов осуществляется в соответствии с законодательствами Российской Федерации о Музейном фонде Российской Федерации, об архивном деле и о библиотечном деле. Так как большая часть храмов и церквей в настоящее время находится в Музейном фонде, а из законодательства проистекает его неделимость, конфликт между религиозными организациями и организациями культуры остаётся неразрешённым [6; 12], как и конфликт в восприятии этих памятников [25]. Ещё больше конфликт интересов может усугубиться из-за того, что в целях обеспечения целостности использования передаваемого имущества Закон № 327 предусматривает возможность передачи религиозным организациям государственного или муниципального имущества, не имеющего религиозного назначения, предназначенного для обслуживания имущества религиозного назначения и (или) образующего с ним монастырский, храмовый или иной культурный комплекс. Таким образом, гражданские организации, находящиеся в настоящее время на территориях культурных комплексов, могут потерять те помещения, на которых они расположены и в силу нехватки государственных и муниципальных площадей, в первую очередь в малых городах, прекратить своё существование, несмотря на мероприятия, которые предусмотрены законодательством для их сохранения.

Эта ситуация особенно болезненно воспринимается обществом, так как границы религиозных ансамблей не определены и нет кадастровых данных по земельным участкам, и не существует норм и правил, на какой исторический период должны быть определены границы земель, передающихся религиозным организациям. В связи с изменением значения Церкви в государственном устройстве в период с XVI по XXI вв. эти границы неоднократно изменялись и в первую очередь - в сторону уменьшения земель, принадлежащих Церкви. Вопрос этот становится не просто открытым, а неразрешимым и крайне коррупционным, так как вопрос о границах в данном случае может решаться исключительно на основе государственной историко-культурной экспертизы [24]. Не вдаваясь в подробности того, каким образом должны определяться границы самого «памятника истории и культуры», данный тезис можно проиллюстрировать на основе Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 26 апреля 2008 г. № 315 (далее - Положение) [15]. При этом необходимо понимать, что зоны охраны памятников истории и культуры, как правило, значительно больше, чем сами территории памятников, и устанавливаются также на основе государственной историко-культурной экспертизы. То есть сама процедура практически калькирует процедуру определения границ памятника, но имеет четкое законодательное закрепление полностью соответствующее современному законодательству. Причем границы зон охраны так же, как и границы «объекта культурного наследия», почти всегда являются спорными. Согласно Статье 4 Положения, «разработка проектов зон охраны объектов культурного наследия проводится по инициативе органов государственной власти, органов местного самоуправления, собственников или пользователей объектов культурного наследия, правообладателей земельных участков или по решению суда. Разработка проектов зон охраны объектов культурного наследия может проводиться также по инициативе юридических лиц, общественных и религиозных объединений, уставная деятельность которых направлена на сохранение объектов культурного наследия» [Там же, ст. 4]. Согласно Статье 6 Положения, как и в случае установления границ памятника, «разработка проектов зон охраны объектов культурного наследия осуществляется физическими или юридическими лицами на основе необходимых историко-архитектурных, историко-градостроительных, архивных и археологических исследований (далее - историко-культурные исследования), данных государственного кадастра недвижимости и материалов по обоснованию проектов зон охраны объектов культурного наследия» [Там же, ст. 6]. Далее - Статьи 10, 11 и 12 устанавливают особый режим использования земель и градостроительный регламент в границах охранной зоны, зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности и зоны охраняемого природного ландшафта с учётом следующих основных требований: «а) запрещение строительства, за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение и восстановление (регенерацию) историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия; б) ограничение капитального ремонта и реконструкции объектов капитального строительства и их частей, в том числе касающиеся их размеров, пропорций и параметров, использования отдельных строительных материалов, применения цветовых решений, особенностей деталей и малых архитектурных форм; в) ограничение хозяйственной деятельности, необходимое для обеспечения сохранности объекта культурного наследия, в том числе запрет или ограничение размещения рекламы, вывесок, построек и объектов (автостоянок, временных построек, киосков, навесов и т.п.), а также регулирование проведения работ по озеленению; г) обеспечение пожарной безопасности объекта культурного наследия и его защиты от динамических воздействий; д) сохранение гидрогеологических и экологических условий, необходимых для обеспечения сохранности объекта культурного наследия; е) благоустройство территории охранной зоны, направленное на сохранение, использование и популяризацию объекта культурного наследия, а также на сохранение и восстановление градостроительных (планировочных, типологических, масштабных) характеристик его историко-градостроительной и природной среды; ж) иные требования, необходимые для обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его историческом и ландшафтном окружении» [Там же, ст. 10]. Таким образом, определение зон

охраны «памятника истории и культуры» может повлечь за собой полное изменение характера использования земель, прилегающих к «объекту культурного наследия». И, наконец, Статья 13 Положения определяет: «проект зон охраны объекта культурного наследия подлежит в установленном порядке государственной историко-культурной экспертизе в целях определения его соответствия требованиям государственной охраны объектов культурного наследия. Положительное заключение государственной историко-культурной экспертизы является основанием для утверждения границ зон охраны объекта культурного наследия, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон» [Там же, ст. 13]. То есть именно государственная историко-культурная экспертиза, в конечном счёте, определяет границы зон охраны, точно так же, как и границы самого «памятника истории и культуры».

Наряду с рассмотрением взаимоотношений светского общества и Церкви, необходимо отметить, что последователи одних религиозных учений достаточно непримиримо относятся к другим религиозным конфессиям, и такое отношение в большой степени переносится на «памятники истории и культуры» других вероисповеданий. Наиболее варварским проявлением религиозного фанатизма за последние годы было уничтожение талибами памятников доисламской эпохи (буддийских, зороастрийских, индуистских), начавшееся в Афганистане после указа лидера талибов - муллы Мохаммеда Омара 26 февраля 2001 г. Религиозные фанатики всегда разрушали «памятники истории и культуры», так как воспринимали их как символы противоборствующих культовых течений. Классическим примером такого рода в нашей истории является крещение как Киевской, так и Новгородской Руси. Изображения и статуи языческих богов разрушали, сжигали, сбрасывали в реки. «Такая ненависть к чужим богам вообще типична для христианства. Карлхайнц Дешнер в “Криминальной истории христианства” пишет: “В Каппадокийской Цезарее христианская община сравнивала с землей храм богов города - Зевса и Аполлона; в октябре 362 года христиане подожгли храм Аполлона в Дафне и разрушили знаменитую статую Аполлона...”» [13]. Или, цитируя З. Фрейда: «Когда святой Бонифаций срубил дерево, которое саксы считали священным, то окружавшие его ожидали ужасающего события как следствие такого святотатства. Оно не последовало, и саксы приняли крещение» [20, с. 167]. Эта ненависть к «иноному» диктуется, в частности, и самой Библией [1] (Второзаконие 7.5; Исход 23.24; Числа 33.52; Третья книга Царств 16.33; Левит 26.30). При этом «в настоящее время изображения духовно-нравственного, в частности, библейского содержания распространены во всем христианском мире, однако почитание икон как священных предметов всеми протестантскими Церквями и сообществами отвергается» [10, с. 222]. Справедливости ради надо заметить, что в значительной степени такой стереотип поведения христиан явился результатом нещадных гонений на них самих со стороны других религий.

В целях предотвращения конфликтных ситуаций Законом № 327 предусмотрено, что имущество, ранее переданное в безвозмездное пользование одной религиозной организации, может быть передано другой в случае прекращения прав на испрашиваемое имущество первой организации. В предчувствии серьезных конфликтов между конфессиями и мирскими организациями, для рассмотрения возможных разногласий, в том числе об отнесении имущества к имуществу религиозного назначения или определения конфессиональной принадлежности имущества, предусмотрено создание специальных комиссий и публичной информации о передаче имущества религиозным организациям. Конфликтные ситуации появились ещё до принятия закона. К примеру, в Калининградской области вызвало огромное возмущение передача зданий лютеранских церквей Русской Православной Церкви [2].

Таким образом, можно констатировать дуализм в восприятии «культовых памятников истории и культуры», причём особенности религиозного мировосприятия в целом не распространяются на другие (светские) объекты культурного наследия и «культурные ценности» за исключением отдельных, в то же время возникающие имущественные интересы могут внести свои коррективы и в эти отношения. Хотя в любом случае догматические подходы оказывают большое влияние на притяжение или неприятие тех или иных «культурных ценностей». «Именно опасение “эстетического искушения”, т.е. чрезмерного воздействия притягательной силы эстетического воздействия при созерцании объектов языческого почитания, было причиной строгих запретов на любые изображения, которыми руководствовался иудаизм, а ислам в полной мере руководствуется и по сей день» [10, с. 223].

В религиозном восприятии «памятников истории и культуры» наиболее ярко проявляется неоднородность и зачастую конфликтность статуса «культурных ценностей» в сознании различных социальных групп. Несмотря на противоречивость вышесказанного по поводу памятников «культового типа», нельзя не согласиться с заключением Б. Г. Соколова о том, что «конфигурации или стили смерти, Бога или любой трансцендентности являются – на онтичном уровне – теми структурами, которые: А. должны быть сохранены любой ценой как основа развертывания процесса конституирования индивида, культурной реальности и культуры вообще; Б. постоянно воспроизводятся в процессах, могущих эксплицитно восприниматься как принадлежащие другим сферам и областям культурного пространства» [16, с. 87].

«Культовый тип» памятника мы выделяем как рефлексию, определяющую сущность нашего бытия на протяжении нескольких тысячелетий, формирующую нашу идентичность и национальное самосознание. Очевидно, что сама национальная идея менялась как во времени, так и в пространстве. Относительно «памятников истории и культуры» ярким примером подтверждения тезиса о непрерывности этих изменений могут служить русские православные церкви, которые были купольными, потом шатровыми, после церковного раскола стали снова купольными.

Несмотря на противоречивость религиозного восприятия «памятников истории и культуры», необходимо признать то положительное, что привносится религией в возрождение духовности общества. В связи с бурным экономическим развитием, беспрецедентным ростом численности населения планеты, увеличением промышленного и аграрного использования территорий, повсеместным ростом городов, в том числе и внедрения нового в их исторические центры, нарастанием локальных военных конфликтов и разрушительных революций, усилением эксплуатации природной среды, парниковым эффектом и ростом количества и мощности техногенных катастроф, современный мир создает всё возрастающую угрозу для сохранения культурного наследия. Нельзя не согласиться с тем, «что причина многих наших сегодняшних бед – в отрыве от истоков, от нравственных устоев, от веками накопленного народом умения сочетать хозяйственную деятельность с разумно организованным укладом жизни» [3, с. 4-5]. Очень точно, не ведая о тенденциях в ситуации постмодерна, более ста лет назад предвидел Н. Ф. Федоров: «Цивилизация, как культура промышленно-торговая, решительно не терпит памятников... Промышленная цивилизация, если она верна себе и последовательна, может ценить прошедшее лишь в смысле утилизации и эксплуатации его настоящим. Она готова не только не воздвигать памятников умершим, а даже утилизировать самих умерших для прихотей или выгод живущих... Варвары, скифы разрушали памятники чужие, берегли свои; варвары промышленной культуры не знают даже и этого различия» [19, с. 207].

Вновь обращаясь к Н. Ф. Федорову, необходимо ответить на им заданный вопрос: «Если начало искусства было божественное, а в настоящее время искусство стало индустриально-милитарным, т.е. скотским и зверским, то возбуждается вопрос: как снова дать искусству такое направление, которое соответствовало бы его божественному началу?» [18, с. 230], - эту цитату мы в данном случае рассматриваем не относительно всего искусства в целом, а относительно феномена «памятник истории и культуры».

Лавинообразный распад существовавшей долгие годы в Советском Союзе идеологии не позволил сформироваться базовому мировоззрению большей части населения Российской Федерации. В значительной степени последние десятилетия можно охарактеризовать как период поиска национальной идеи, период мучительный и сложный, в первую очередь по причине тотального отсутствия доминирующих идеологий и преимущественного отторжения населением России глобальных схем воздействия на коллективное сознание. И все же сохраняются и упорно сопротивляются попыткам внешнего деструктивного воздействия традиционные религиозные конфессии и то плохо поддающееся рефлексии, но легко воспринимаемое на чувственном уровне представление, определяемое как историческая память.

Современное обращение к религиозным основам является попыткой возрождения духовности через возврат к традиционным ценностям и морали далеких предков. Ярким примером является возрождение религиозной духовности в провинциальной России не на основе слепого исполнения канонов и обычаев, а через возрождение забытых ремёсел, традиций и промыслов.

Можно сказать, что религиозные памятники играют наибольшую роль в сохранении культурной традиции, так как каждый человек в своей экзистенции раньше или позже непосредственно соприкасается с этими феноменами. Религия в большой степени является системообразующим фактором самой культуры. С увяданием религии увядает и культура, а с реформацией или возрождением религии культура получает новое движение.

Через разрешение противоречия между единичным и множественным; прошлым, настоящим и будущим; мифологией некоего рода-племени и историей всего народа происходит трансформация памятника как материального объекта в носителя идеального образа – национальной идеи. В свою очередь, национальная идея, не приобретая ярко выраженной формы с четко выраженными границами, постоянно видоизменяется в умах субъектов, сохраняя определенную направленность, позволяющую идентифицировать ее всеми участниками отношений как некий вектор в хронологическо-временном континууме, неразрывно связанном с историческим и культурным ландшафтом, служащим объективным базисом развития идеи. При этом особенностью российской национальной идеи является преобладание чувственного над рациональным и религиозного над мирским мироощущением. Эта особенность российского характера имеет свои корни в том, что наше общество еще не достигло стадии «цивилизации» [22, с. 238], и у индивидуумов сохраняется определенная чистота, свойственная живому, то есть культуре и истории. И именно эти свойства позволяют на современном этапе исторического и культурного развития обеспечить формирование национальной идеи через особое восприятие субъектами «памятников истории и культуры» в их неразрывной связи с прошлым, настоящим и будущим. То, опираясь на традиционные верования – религию (догматику и святоотеческие традиции), в том числе и на видения и чудотворные явления, то, привнося чисто светское представление о славе российского оружия и русской истории. Становящаяся при этом национальная идея не несет в себе характер агрессии и колонизаторства, а лишь является результатом синтеза славы народа как необходимого элемента будущности и страдания как условия памяти элемента прошедшего, материализованного в настоящем.

В современном мире история подменяется мифом, что происходит очень быстро и массово. И в сегодняшней действительности в восприятии прошлого одновременно уживаются научная история (археология, археография, эпиграфика и т.д.), религия и мифология. Если в первом разбираются тысячи людей, во втором миллионы, то мифы являются достоянием миллиардов. Можно проиллюстрировать это положение следующим примером. Благодаря средствам массовой информации, огромное количество людей имеет своё представление о том, где и как был распят Иисус Христос, в то же время несравнимо меньшее количество людей в действительности читало тексты Нового Завета и к своему удивлению может узнать что: «БѢ же на мѢстѣ,

идѣже распяты, вѣртъ {вертоградъ}, и въ вѣртѣ гробъ новъ, въ нѣмже николѣже никтоже положенъ бѣ». Или же в Синодальном переводе на русский язык: «На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен» [1] (Евангелие от Иоанна 19:41).

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие предложения.

1. Необходимо законодательно закрепить то, что территория памятников истории и культуры «религиозного типа» должна приниматься в границах, существовавших на конкретную дату. Такой датой логично выбрать 1913 год как последний мирный год перед началом Первой мировой войны, когда ещё не начались конфискации церковных земель и зданий, и Русская Православная Церковь была государственной.

2. В исключительных случаях, когда на установленную дату ансамбль «культурного памятника» был по тем или иным причинам уже разделён, на основании исторического исследования и государственной историко-культурной экспертизы границы памятника могут быть изменены для восстановления целостности ансамбля.

3. В целях разрешения конфликта между музеями и религиозными организациями относительно церковного имущества, находящегося в государственном музейном фонде, который, как уже отмечалось, согласно закону, неделим, передавать иконы и другое имущество, изъятое в советское время из конкретных храмов, в эти же храмы на временную экспозицию, что не противоречит законодательству. Эту процедуру необходимо законодательно закрепить. Любые другие решения данной проблемы приведут к реституции де факто, что не только противоречит законодательству Российской Федерации, но и создаст условия для серьёзных социальных волнений.

Заканчивая эту работу и с учётом высказанных предложений, необходимо снова подчеркнуть, что «историческая культура» контекстуальна относительно настоящего, а не прошлого, и понимание этого ведёт к постоянному росту значения «памятников истории и культуры» в традировании и сохранении наследия.

Список литературы

1. Библия. М.: Российское Библейское Общество, 2008. 1328 с.
2. Бобрович А. Кирхи и замки передали православным // Metro Санкт-Петербург. 2010. 24 ноября.
3. Гридасов А. Культура определяет состояние экономики // Экономика и время. 2011. 18 апреля.
4. Дементьева Ю. М. Материалы Археологических съездов (1869-1914) как источник по истории музейного дела России // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 37 (80). С. 71-83.
5. Дубшан Ф. Смольный собор: загадка возрастом в 175 лет // Вечерний Петербург. 2010. 13 октября.
6. Кириллова К., Охотин Н. Икона «Православной Рублёвки» // Наша Версия на Неве. 2009. 7-13 декабря.
7. Козлов А. А. Правовое регулирование охраны памятников истории и культуры в 1917-1941 гг.: автореф. дисс. ...к.ю.н. М., 1990. 24 с.
8. Коробов П. Церковь наделяют от государства // Коммерсантъ. 2010. 10 ноября.
9. Кулемзин А. М. Охрана памятников как социально-историческое явление // Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири. Кемерово, 1996. С. 5-15.
10. Михаил (Мудьюгин), архиепископ. Введение в основное богословие. М.: Издательство Библейско-Богословского института святого апостола Андрея, 1995. 232 с.
11. Михеева И. В. О понятии «культовые памятники» и их типология // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2001. № 1. С. 150-153.
12. Музейная икона уйдёт в монастырь // Metro Санкт-Петербург. 2011. 17 января.
13. Небедный Димьян. Талибы взорвали Будду [Электронный ресурс]. URL: www.ateism.ru/articles/demian010.htm (дата обращения: 01.03.2012).
14. О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности: Федеральный закон РФ от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 2010. № 49. Ст. 6423.
15. Положение о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 26 апреля 2008 г. № 315 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 07.11.2008 № 821; от 10.03.2009 № 219) // Российская газета. 2008. 7 мая.
16. Соколов Б. Г. Онтология культурного наследия: музей в эпоху постмодерна. СПб.: СПбГУ; ВВМ, 2010. Ч. 1. 126 с.
17. Федоров Н. Ф. Как может быть разрешено противоречие между наукой и искусством? // Федоров Н. Ф. Сочинения: в 4-х кн. М.: Прогресс, 1995. Кн. 2.
18. Федоров Н. Ф. Как началось искусство, чем оно стало и чем должно оно быть? // Федоров Н. Ф. Сочинения: в 4-х кн. М.: Прогресс, 1995. Кн. 2.
19. Федоров Н. Ф. Отношение торгово-промышленной «цивилизации» к памятникам прошлого // Федоров Н. Ф. Сочинения: в 4-х кн. М.: Прогресс, 1995. Кн. 2.
20. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб.: Азбука-классика, 2009. 192 с.
21. Шаманаев А. В. Охрана культурного наследия в России (XVIII – конец XX века). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. 92 с.
22. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность / пер. с нем. М.: Эксмо, 2006. 800 с.
23. Шухободский А. Б. Объект археологического наследия как отдельный феномен культурных ценностей // Общество. Среда. Развитие. СПб.: ЦНПТ «Астерион», 2011. № 4. С. 136-140.
24. Шухободский А. Б. Особенности государственной историко-культурной экспертизы и её роль в формировании феномена «памятник истории и культуры» // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». СПб., 2011. Т. 2. № 4. С. 236-245.
25. Я не могу сказать: «Верните всё церкви» // Новая газета. 2009. 14 декабря.

CULTIC TYPE OF "HISTORIC AND CULTURAL MONUMENTS" IN MODERN RUSSIA

Shukhobodskii Aleksandr Borisovich

St. Petersburg State University

iso.museum.mem@gmail.com

The author demonstrates the cultic type features of the phenomenon "historic and cultural monument", substantiates its primary importance in the formation of both individual and collective identity, and reveals a number of essential problems in the interaction between society and religious communities on the reception and use of "historic and cultural monuments".

Key words and phrases: historic and cultural monuments; cultic type of monument; religious type of monument; object of cultural heritage; cultural value; culture; culturology.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются причины и социальный состав участников Кронштадтского мятежа 1921 г. Дан анализ традиционных взглядов в отечественной историографии на проблему. Показана степень участия и мотивы различных социальных групп восставших – матросов балтфлота, крестьян, рабочих, маргиналов. Авторы впервые обратили внимание на активное участие в восстании казаков Юга России и Украины. Сделан вывод о том, что главным побудительным мотивом участия в восстании различных социальных групп кронштадтцев стали проблемы продовольственного снабжения экипажей кораблей, гарнизона и гражданского населения крепости.

Ключевые слова и фразы: Кронштадтский мятеж; продрозверстка; голод; матросы; казачество; крестьянство; рабочие; городские маргиналы.

Юрченко Иван Юрьевич, к. ист. н., доцент**Попов Виктор Владимирович**

Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)

ivankazzak@mail.ru; victor.mojo@gmail.com

**«ДЕЛО СНАБЖЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЕ».
МАТРОСЫ, КАЗАКИ, КРЕСТЬЯНЕ-КРАСНОАРМЕЙЦЫ И ГОРОДСКИЕ МАРГИНАЛЫ:
ГОЛОДНЫЕ УЧАСТНИКИ КРОНШТАДТСКОГО МЯТЕЖА 1921 Г.®**

Сегодня в отечественной историографии и массовом сознании прочно утвердился стереотип о социально-политических причинах Кронштадтского мятежа 1921 г. Главным мотивом участников восстания считается общее недовольство петроградских рабочих и матросов – вчерашних крестьян - политикой «военного коммунизма». А сам Кронштадтский мятеж уже давно считается одной из главных причин провозглашения В. И. Лениным на X съезде партии «Новой экономической политики». Эта точка зрения отражена в научных монографиях и диссертациях, школьных и вузовских учебниках, энциклопедиях и справочниках. Однако анализ программных документов восставших и других исторических источников позволяет нам усомниться в истинности столь упрощенной трактовки событий 1921 г. Для того чтобы дать объективный анализ Кронштадтского мятежа и оценить его место в истории Советской России, нам необходимо, прежде всего, внимательно рассмотреть социальный состав кронштадтцев, а уже затем можно будет постараться найти и выявить главные побудительные мотивы восставших.

При рассмотрении вопроса о причинах Кронштадтского мятежа 1921 г. нам необходимо разделить социальное происхождение участников мятежа и социальный статус, полученный ими уже в Кронштадте. Для пополнения личного состава ещё в 1918 году было создано «бюро вольного найма». С. Н. Семанов [7; 8] считает, соглашаясь с мнением эмигрантской газеты «Последние известия», что через него во флот попали деклассированные элементы. Так как крепость с 1919 года вошла в состав Балтийского флота, то в ней находилось много военных, считая флот и сухопутные войска гарнизона. Кроме флота и сухопутных частей, в городе, конечно, находились и гражданские предприятия, обслуживающие флот и население города (ремонтные мастерские, доки, магазины, склады, учебные заведения). В городе жили рабочие и служащие с семьями, а также семьи военных.

Всего военных в Кронштадте насчитывалось около 25–26 тысяч [9, с. 56]. Эта цифра не вызывает сомнения у разных исследователей. Многие служили ещё с довоенного времени. Но значительная часть восставших были новобранцами. В советской литературе мы находим, как правило, оценки социального происхождения восставших, которые базируются на утверждении об абсолютном (до 90%) преобладании среди них